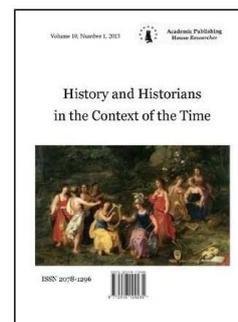

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
History and Historians in the Context of the Time
Has been issued since 2014.
ISSN: 2078-1296
Vol. 13, No. 2, pp. 68-75, 2014

DOI: 10.13187/issn.2078-1296
www.ejournal3.com

Articles and Statements

UDC 94

State Policy on the Formation of a Network of Stationary Settlements on Kalmyk Lands in the Lower Volga Region and Steppe Ciscausia (the Second Half of the 18th-19th centuries)

Sergey S. Belousov

The Institute socio-economic researches of the South scientific centre of Russian Academy of Sciences, Russian Federation
PhD, Assistant Professor

Abstract

This article examines the Russian government's state policy on the formation of a network of stationary settlements on Kalmyk lands in the second half of the 18th-19th centuries. The author explores its aims, character, and results. In the end, the author comes to the conclusion that the settlers did not have a major impact on the economic scheme of life of the Kalmyk people, its lifeway and culture and that the Kalmyks, likewise, had little impact on them as well. The events in Kalmykia once again substantiated the axiom that it is impossible to achieve changes in the scheme of life of nomads through just settling with them sedentary landowners or via incentive, much less administrative, measures.

Keywords: resettlement policy; stationary settlements; Kalmyk lands; lower Volga region; Ciscausia; shifting nomads to a sedentary lifeway.

Введение

В историографии данная тема специально не исследовалась, хотя отдельные её аспекты нашли отражение в работах отечественных авторов [1]. Конечной целью внутренней политики имперских властей в Калмыкии была её инкорпорация в российское социокультурное пространство и создание необходимых условий для её модернизации, при этом одним из главных инструментов достижения этого выступала политика по формированию сети стационарных поселений в калмыцких улусах. Созданием поселений правительство стремилось осуществить перевод калмыков на осёдлый образ жизни и изменить социокультурные параметры традиционного калмыцкого общества, преодолеть моноотраслевой характер структуры экономики Калмыкии, улучшить природный ландшафт степи (облесение и обводнение), заселить сухопутные пути сообщения, образовать в Калмыцкой степи восточнославянские анклавные поселения. Иными словами поселенческая политика российских властей на калмыцких землях носила комплексный характер и была ориентирована на их интеграцию с остальной частью России и подготовку условий для их модернизации.

Основной целью предлагаемой статьи является исследование государственной политики российского руководства по формированию сети стационарных поселений на калмыцких землях во второй половине XVIII–XIX. В этой связи ставятся задачи изучения целей и характера переселенческой политики, механизмов её проведения и результатов.

Обсуждение

Калмыки прикочевали в Россию из Джунгарии (ныне это Западный Китай) и расселились на территории Нижнего Поволжья и Степного Предкавказья в первой половине XVII – первой половине XVIII в. Приняв добровольно подданство российского царя и закрепившись с его разрешения в степях Юго-Востока, калмыки приняли активное участие в геополитической игре, которую вела Россия на южном направлении. Калмыцкие войска и вообще калмыцкий фактор российское руководство нередко использовало в целях борьбы с недружественными по отношению к России кочевыми народами и государствами.

Калмыки, будучи кочевым народом, не проявляли стремления к переходу на осёдлый образ жизни, не были заинтересованы в этом и российские власти, считавшие, что кочевой образ жизни калмыков при очень слабом развитии в XVII–XVIII вв. в юго-восточных степях стационарной поселенческой сети, лучше всего отвечает интересам защиты южных границ страны. Попытки отдельных представителей калмыцкой знати перейти к осёдлому образу жизни вызывались не объективными обстоятельствами, а субъективными факторами. Если такие попытки возникали, то калмыков старались селить за пределами территории кочевания основной массы их сородичей, в целом негативно воспринимавших отход от традиционного уклада жизни.

Наглядной иллюстрацией отношения руководства России к поселению калмыков в стационарных населенных пунктах в пределах их кочевий служит пример с калмыцким нойном Замьяном, который в 1763 г. обратился к российским властям с просьбой позволить ему поселиться с подвластными ему калмыками на одном из урочищ возле р. Волги. Пойти на этот шаг Замьяна побудил конфликт с центральной ханской властью. Ходатайство Замьяна было передано на обсуждение в Государственную коллегия иностранных дел, ведавшей в то время делами калмыков. На заседании коллегии 5 июля 1764 г. вопрос был сформулирован следующим образом: «... полезно ли быть может или нет целого калмыцкого народа поселение, или не лучше ли, не приводя оно всего к тому, но оставляя множайших, при нынешнем их образе жития стараться, чтобы некоторая только часть из них поселенными сделались?» [2]. Рассмотрев обстоятельства дела, члены Государственной коллегии иностранных дел сошлись во мнении, что перевод на осёдлый образ жизни всего калмыцкого народа пока преждевременен как в силу неготовности к этому самих калмыков, так и по причине его невыгодности для российского государства. Власти опасались, что в случае поселения всего калмыцкого народа «останутся тамошние степи по большей части пустыми», и они станут «неминуемо сборищем и убежищем тем варварским народам, при их на здешния места набегах, а может быть, некоторые сих народов и для всегдашнего пребывания перешли бы на оныя» [3]. Под «варварскими народами» в данном случае подразумевались киргис-кайсаки (казахи), а также «кубанские и горские народы», «сближение» которых для российской стороны представлялось нежелательным. Охватывавшие своими кочевьями огромное пространство между р. Урал и Северным Кавказом калмыки рассматривались в качестве своеобразного буфера между отличными от них по языку и вероисповеданию мусульманскими тюркоязычными степными народами и горцами. Концентрация калмыков в стационарных поселениях привела бы к размыванию этого буфера.

Подвижной образ жизни калмыков позволял им контролировать большие территории и поддерживать постоянную боеспособность их конницы, зачастую привлекавшийся российским руководством к решению военных задач на юго-востоке России.

Согласившись с выводом о нецелесообразности перевода всего калмыцкого народа на осёдлый образ жизни, Коллегия в то же время, чтобы не обидеть нойона Замьяна и не исключая возможности возникновения в будущем подобных прецедентов, предложила в виде опыта разрешить ему поселиться со своими калмыками в урочищах Коровья Лука и Крымский Затон. Эти места располагались в излучине р. Волги и недалеко от г. Астрахани и

Кизлярского тракта, что было удобно в плане осуществления надзора за ними и привлечения к сторожевой службе.

Допуская к поселению Замьяна Коллегия рассчитывала «узнать, сколько и впредь в том успехов надеяться можно, и продолжать ли сие намерение по ожидаемой из того пользе? Или буде противное из того окажется по легкомысленному состоянию сего народа, и совсем оное оставить нужно....» [4].

Поддержав намерение Замьяна перейти к осёдлости, российская администрация брала в расчёт и интересы заселения края: два поселения калмыков должны были стать звеньями единой цепи из 7 казачьих поселений, которые решено было учредить вдоль р. Волги на пространстве от крепости Черный Яр до г. Астрахани. С калмыками было предложено поселить по 250 человек казаков, проживавших в г. Астрахани, которые должны были помочь бывшим кочевникам усвоить азы осёдлой жизни и новые формы хозяйствования и одновременно присматривать за ними. Для материальной поддержки поселяющимся калмыками и казакам была определена ежегодная сумма в 3000 рублей из бюджета Астраханской губернии.

Изложенные в утвержденном 5 июля 1764 г. императрицей Екатериной II докладе Государственной коллегии «О поселении калмыков на нагорной стороне реки Волги, при урочище, называемом Крымский Затон, и о переводе туда же астраханских казаков» [5] соображения по вопросу перехода калмыков на осёдлый образ жизни легли в основу, осуществлявшейся на протяжении второй половины XVIII и большей части XIX вв. политики государства по созданию сети стационарных поселений в Калмыкии. В основу этой политики был положен принцип добровольности поселения, исключавший принудительные меры. Характерной чертой её была также осторожность: приглашая калмыков к поселению, российское правительство никогда не форсировало события и не ставило задачи перевода на осёдлый образ жизни всего калмыцкого народа и в короткие сроки, опасаясь, что резкий разрыв народа с прежним укладом может привести к катастрофическим последствиям и осложнить обстановку в улусах. Важно также отметить, что политика по созданию стационарных поселений на калмыцких землях носила комплексный характер, т.е. была направлена на решение целого ряда задач государственного, регионального и местного масштабов. Одной из таких задач являлось заселение дорог, в первую очередь имевших стратегическое значение и связывавших Нижнее Поволжье с Северным Кавказом: поселения создавались, как правило, вдоль дорог. При организации населенных пунктов администрация старалась селить вместе с калмыками представителей осёдлого населения из числа казаков, государственных крестьян и отставных военных.

Важно отметить, что для России создание поселений вдоль дорог, ведущих на Северный Кавказ, являлось одним из важнейших компонентов политики российских властей в юго-восточном регионе на протяжении второй половины XVIII – первой половины XIX в.

Значение дорог особенно возросло в последней трети XVIII в., когда в результате побед русской армии прекратило существование Крымское ханство, территория которого стала частью российского государства.

Успехи России в борьбе с Крымом открыли перед ней широкие возможности для колонизации Северного Кавказа и позволили укрепить там свои позиции. Необходимость обустройства Азово-Моздокской военной линии поставили перед правительством задачу скорейшего заселения двух важнейших, связывавших Нижнее Поволжье с Северным Кавказом, дорог – Астраханско-Кизлярского и Царицынско-Ставропольского трактов, по которым войскам и населению линии доставлялось всё необходимое.

Эти дороги, пролегли в большей своей части через калмыцкие кочевья, по местности безводной, засушливой и малолюдной, что сильно ограничивало их пропускную способность и ставило под угрозу срыва снабжение российских войск на Кавказе. Необходимо отметить ещё и то, что отсутствие укрепленных пунктов вдоль пути и вообще каких-либо поселений во многом облегчали горцам и кочевникам возможность совершать свои нападения на проезжающих и на мирных жителей Астраханской губернии.

Важной вехой в политике российского руководства на пути реализации задачи освоения дорог на юго-востоке страны стал указ Екатерины II кавказскому наместнику

П.С.Потёмкину от 9 мая 1785 года «О устройстве Кавказской губернии и области Астраханской», определивший в числе мер по административному устройству региона и создания сети новых поселений на Черкасском, Царицынско-Ставропольском трактах. Новые селения предписывалось учреждать вдоль трактов на расстоянии от 15 до 30 вёрст друг от друга, а согласившимся поселиться в них определялось пособие в размере 20 рублей на двор. В отношении контингента поселян предпочтение отдавалось отставным солдатам, а сами поселения в целях безопасности рекомендовалось обносить земляными укреплениями [6]. К поселению вдоль дорог также приглашались калмыки, которым в случае их на то согласия обещались щедрые награды и помощь в хозяйственном обустройстве. Не был забыт в указе и Кизлярский тракт: на него, правда, рекомендовалось привлекать исключительно «татар, калмыков, и тому подобных для поселения и заведения всякого хозяйства и промыслов» [7].

Приглашение калмыков к поселению на трактах в последней трети XVIII в. свидетельствовало о пересмотре подхода российского руководства к проблеме перевода их на осёдлый образ жизни. Этому во многом способствовали события 1771 г., когда основная масса калмыков откочевала в Джунгарию (Западный Китай), что привело к резкому снижению их военного потенциала, и, как следствие, сильно ограничило их возможности влиять на военную и политическую обстановку в регионе.

В соответствии с изменившимися обстоятельствами правительство вынуждено было внести важные коррективы в калмыцкую политику, перейдя от использования калмыков в своих военных целях к политике интеграции их в российское общество. Приступая к решению новых, поставленных жизнью задач российское руководство отдавало себе отчёт в том, что изменение уклада жизни кочевого народа дело очень сложное и деликатное, где одинаково неприемлемы торопливость и грубое давление. Действовать осторожно, не спеша, просчитывать каждый шаг, кроме того, побуждал негативный опыт предшествующих лет, приведший в итоге к политическому кризису 1771 года, разрешившемуся откочёвкой большей части калмыцкого народа в Джунгарию.

Несмотря на все усилия правительства заселить Царицынско-Ставропольский и Астраханско-Кизлярский тракты в последней трети XVIII в., решить эту задачу в целом не удалось. В 1788–1789 гг. на Царицынско-Ставропольском тракте возникло 6 поселений государственных крестьян, но уже через несколько лет, они, за исключением одного, прекратили своё существование. Переселенцы не смогли приспособиться к тяжелейшим природным условиям Калмыцкой степи, к её солончаковому и глинистому грунту, к солёной воде, к частым засухам и нашествиям сусликов и саранчи, которые на корню уничтожали весь урожай хлебов. Из-за отсутствия леса и даже камыша многие поселяне погибли от холода, не сложились у них отношения и с калмыками, которые, грабили поселян, вытравливали их сенокосы, угоняли скот. Весьма скромные результаты были достигнуты и в заселении Астраханско-Кизлярского тракта. Со стороны г. Кизляра поселения крестьян были доведены до деревни Владимировки, а со стороны Астрахани – до урочища Зензели. Между этими крайними пунктами продолжал оставаться без заселения огромный участок дороги, пролежавший через кочевья калмыков.

Новая попытка заселения дорог на калмыцких землях была предпринята российским руководством в конце 1840-х – первой половине 1870-х гг. На этот раз была разработана специальная программа, в основу которой были положены идеи сенатора, князя П.П. Гагарина, сформулированные им после завершения в 1844 г. ревизии калмыцкого управления. Основательно познакомившись с системой попечительской власти и с другими материалами, он пришёл к выводу, что эффективное преобразование калмыцкого управления невозможно без перевода калмыков на осёдлость. Именно кочевая жизнь, по глубокому убеждению сенатора, породила многочисленные болезни и бедность калмыков, которая толкала их на воровство и другие противоправные поступки. Он упрекал калмыков в том, что они, получив в «дар» от российского правительства огромное количество земли, превышающее « существенную их надобность по мере их скотоводства на целую половину», оказались не в состоянии извлечь из неё выгоды ни для себя, ни для государства [8]. Выход из создавшегося положения Гагарин видел в переводе калмыков на осёдлый образ жизни. Эта мера должна была кардинальным образом изменить жизнь калмыцкого народа, сделав

её, с одной стороны, более обеспеченной, с другой – способствовать приобщению калмыков к русской культуре и православной религии.

Для государства выгоды от этого были очевидны. Во-первых, переход калмыков к осёдлости и связанные с ним преобразования в материальной и духовной сфере властями тесно увязывались с поднятием материального благосостояния калмыков, что давало правительству в будущем возможность ввести их в число государственных налогоплательщиков, во-вторых, коренные изменения в образе жизни калмыков неизбежно повлекли бы за собой преобразования в их управлении, приблизив его к крестьянскому, чего в конечном итоге и добивалось правительство.

По мнению сенатора, водворение калмыков следовало проводить поэтапно, разместив их для начала вдоль шести наиболее значимых для государства дорог. Это позволило бы решить проблему обживания важных для России в геополитическом отношении трактов и лучше контролировать процесс оседания калмыков. Чтобы помочь калмыкам быстрее освоиться с их новым положением и научить их земледелию, Гагарин считал целесообразным поселить вместе с ними государственных крестьян [9].

Высказанные князем П.П. Гагариным в ходе ревизии калмыцкого управления предложения о направлении и способах преобразований в Калмыкии заинтересовали Министерство государственных имуществ. Прежде всего, в плане Гагарина привлекало то, что ему удалось удачно свести воедино две ранее отдельно рассматривавшиеся важнейшие проблемы региона: перевод калмыков на осёдлость и заселение стратегических дорог.

Созвучен планам МГИ в Калмыкии оказался и прагматизм сенатора в отношении калмыцких земель. Гагарин фактически сформулировал, сложившийся к рубежу 30–40-х годов XIX в. в высших правительственных кругах новый взгляд на предназначение калмыцких земель. До этого главные усилия правительства были направлены на поисках оптимальной для калмыцкого народа формы управления, способной изменить его жизнь в лучшую сторону, теперь же на передний план выдвигались задачи изменения внутренних устоев жизни калмыцкого народа и превращение калмыцких земель в территорию, приносящую осязаемые выгоды для государства. «При определении пользы правительства – писал Гагарин – следует принять в соображение и то, что было даровано калмыкам, и то, какое правительство получает за сие возмездие, соразмерно ли это возмездие с тем, что дано было, не представляется ли очевидной необходимости в изменении возмездия, сообразном с потребностями настоящего времени и края, и из каких начал оно проистекать должно» [10].

30 декабря 1846 г. император Николай I подписал указ «О заселении дорог на калмыцких землях в Астраханской губернии» [11] и одноименную инструкцию, которые предусматривали создание вдоль 6 дорог на калмыцких землях 44-х населенных пунктов, с поселением в каждом из них по 50 крестьянских и 50 калмыцких семей. В документах особо подчеркивался сугубо добровольный характер поселения калмыков и крестьян, вопрос стоял о переводе на осёдлость только части калмыцкого народа, пример успешного поселения которой в будущем должен был послужить примером для остальных калмыков.

Намеченные в программе ближайшие задачи и стратегические цели полностью вписывались в региональную политику николаевского правительства, направленную своим остриём на укрепление позиций государства на его окраинах. Власти достаточно чётко осознавали потребности, как экономического развития калмыцких земель, так и необходимость осуществления кардинальных перемен в жизни калмыцкого народа. К середине XIX века калмыцкие земли, в отличие от окружавших их уже довольно хорошо освоенных регионов (Нижнего Поволжья, Дона, значительной части Предкавказья), являли из себя своеобразный анклав с малочисленным кочевым населением, отсутствием осёдлых поселений, необжитыми путями сообщения и моноотраслевой структурой экономики (кочевое скотоводство). Это и побудило власти взяться за разработку программы, предназначенной для решения этих ключевых проблем.

При подготовке программы, безусловно, учитывались интересы калмыков-кочевников, что проявилось в сдерживании крестьянской колонизации, которая направлялась на освоение земель, расположенных исключительно вдоль проходящих по окраинам степи трактов, в относительно небольшом количестве переселенцев, в строгой регламентации землеустроительных работ, когда землемерам предписывалось, в целях

недопущения стеснения калмыков, не углубляться в степь, а проводить отвод земельных наделов станиц как можно ближе к дорогам.

Реализация правительственной программы 1846 г. продолжалась в течение 30 лет, с 1846 по 1876 гг., и, хотя не все её пункты были выполнены, главная цель – создание оседлых поселений вдоль дорог – была достигнута.

Вместе с тем заселение дорог со всей очевидностью выявило и недостаточную продуманность правительственной программы, проистекавшую, главным образом, из-за отсутствия подробных сведений о колонизационном потенциале калмыцких земель. В результате, вместо запланированных 44 населенных пунктов, было образовано всего 25, остались без заселения некоторые участки Кизлярского и Крымского трактов, дорог в луговой стороне р. Волги. Имели место случаи, когда поселения вследствие неблагоприятных природных условий переносились на другие места (Садовое, Киселёво, Обильное, Оленичево, Промысловое, Хошеутовское), а то и прекращали своё существование (ст. Благодатное, Доля, Спасская).

Недостаточная продуманность некоторых пунктов правительственной программы и невозможность их выполнения вынудила Комиссию отступить от ряда положений инструкций. Так, например, в нескольких посланиях пришлось отказаться от принятой нормы в 100 дворов, поскольку этому препятствовали неблагоприятные условия местности. Дефицит удобных земель побудил землеустроителей почти вдвое увеличить земельное обеспечение новых поселений за счёт земель, признанных «отчасти неудобными». По этой же причине не удалось ввести семейные участки и избежать чересполосицы.

Не увенчалась успехом попытка реализации пункта программы, касающегося перевода части калмыков на оседлый образ жизни. Провал плана перевода калмыков на оседлость в определённой степени был закономерен. Трудно было надеяться привлечь традиционных кочевников к оседлости посредством приучения их к земледелию в местности, где для этой отрасли не имелось благоприятных природных условий. Превратить же калмыков в оседлых скотоводов, даже предоставив им 30–60 десятинные наделы, не позволял экстенсивный характер их хозяйств. Важно отметить, что переходу на оседлость не способствовала и существующая система землепользования и отсутствие чётких внутренних границ в Калмыцкой степи. Главным их недостатком было то, что они не стимулировали закрепление калмыцкого населения за чётко определённой территорией, без чего невозможен переход к оседлой жизни. Чтобы заставить калмыков сменить свой традиционный образ жизни для начала надо было изменить систему землепользования и административное устройство: эти меры позволили бы создать необходимые предпосылки для перехода на оседлость. В противном случае побудить калмыков перейти на оседлость могли только чрезвычайные обстоятельства, такие, например, как резкое сокращение их земельных владений.

В целом успешным следует признать обустройство в Калмыцкой степи русских и украинских крестьян, которыми была создана вдоль дорог сеть стационарных поселений. Ими были привнесены на территорию Калмыкии начала земледелия и оседлая культура. Кочевое население Калмыкии было знакомо с оседлостью и земледелием ещё до появления переселенцев, однако существовали они в зачаточном виде, и только с появлением переселенческих сел, они прочно укоренились в Калмыцкой степи.

Большое значение переселения имели для самих крестьян, большинство из которых благополучно устроились на новом месте, зажив более обеспеченной, чем на их исторической Родине жизнью. В силу суровых природных условий Калмыцкой степи, земледелие не стало главной отраслью хозяйства переселенцев и основное своё внимание они сосредоточили на развитии скотоводства, где добились больших успехов. В 1854 г., спустя 7 лет после открытия переселений на калмыцкие земли, I департамент Министерства государственных имуществ констатировал, что «заселенная часть Калмыцкой степи по отношению числа скота к населению в немногие годы стала в ряду богатейших областей России» [12]. По сведениям Статистического отделения департамента сельского хозяйства, в 1854 г. средняя обеспеченность скотом на ревизскую душу у переселенцев Калмыкии была в два раза выше, чем у государственных крестьян

Астраханской губернии, между прочим, «одной из богатейших в целой России по числу скота», и уступала только калмыкам [13].

Переселенцы не оказали большого влияния на хозяйственный уклад жизни калмыцкого народа, его образ жизни и культуру, также незначительным оно было на них и со стороны калмыков. События в Калмыкии лишней раз подтвердили ту аксиому, что невозможно добиться изменения уклада жизни кочевников одним только поселением с ними оседлых земледельцев или же поощрительными, а тем более административными мерами. Для того, чтобы это свершилось, необходима длительная, кропотливая подготовительная работа с учётом целого комплекса факторов, и в первую очередь – природных, социальных и психологических.

Не решив проблемы осёдлости, переселения, тем не менее, не прошли для калмыков бесследно. Но влияние это было двоякого рода: с одной стороны, изъятия земель под поселения сузили возможности для развития экстенсивного скотоводства и вынудили часть калмыков искать другие источники существования как следствие менять привычный хозяйственный уклад и образ жизни; с другой стороны, переселенцы продемонстрировали положительный пример создания стационарных поселений в суровых условиях Калмыцкой степи. В обоих случаях это способствовало переходу калмыков на осёдлость, и показателем необратимости этого процесса служит факт неуклонного роста, начиная с 60-х годов XIX века, числа осёдлых калмыков.

Заключение

Значение переселений простирается далеко за экономические рамки, затрагивая в известной мере такие важнейшие сферы деятельности человека, как материальную и духовную культуру. Важно отметить, что установление более близких контактов представителей различных культур пошло на пользу обоим сторонам.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках темы «Исторические формы и современные способы функционирования социокультурных институтов на Юге России» (базовое бюджетное финансирование, № госрегистрации (01201368164).

Примечания:

1. Костенков К.И. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб., 1870; Дуброва Я.П. Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 15 марта 1892 г. Казань, 1898; Пальмов Н.Н. Обоседление калмыков и русская иммиграция в Калмыцкую степь // Калмыцкая область. 1925. № 2. С. 134–145; № 3. С. 70–108; 1926. № 1. С. 121–146; Белоусов С.С. Государственная политика заселения Астраханско-Кизлярского и Царицынско-Ставропольского трактов во второй половине XVIII века // Вопросы истории. 2011. №3. С. 153–158.
2. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собрание 1-ое. Т. XVI. СПб., 1830. С. 827.
3. ПСЗ РИ. Собрание 1-ое. Т. XVI. СПб., 1830. С. 828.
4. ПСЗ РИ. Собрание 1-ое. Т. XVI. СПб., 1830. С. 831.
5. ПСЗ РИ. Собрание 1-ое. Т. XVI. СПб., 1830. С. 827–832.
6. ПСЗ РИ. Собрание 1-ое. Т. XXII. СПб., 1830. С. 390.
7. ПСЗ РИ. Собрание 1-ое. Т. XXII. СПб., 1830. С. 392.
8. Национальный архив Республики Калмыкия. Ф. И-7. Оп. 4. Д. 24. Л. 30
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 383. Оп. 10. Д. 9366 а. Л. 57 об.
10. РГИА. Ф. 383. Оп. 10. Д. 9366 а. Л. 27 об.
11. ПСЗ РИ. Собрание 2-ое. Т. XXI. СПб., 1847. С. 725 – 726.
12. Заселение дорого в калмыцких степях // Журнал Министерства государственных имуществ. 1856. Ч. 60. С. 35.
13. Заселение дорого в калмыцких степях // Журнал Министерства государственных имуществ. 1856. Ч. 60. С. 34.

References:

1. Kostenkov K.I. Historical and statistical information about the Kalmyks, wandering in the Astrakhan province. SPb., 1870; Dubrova J. P. Life the kalmyks Stavropol province to the edition of the law of 15 March 1892, Kazan, 1898; Palmov N.N. Obosedlenie Kalmykov and Russian immigration in Kalmyk steppe // Kalmyk region. 1925. № 2. S. 134-145; № 3. S. 70-108; 1926. № 1. S. 121-146; Belousov S.S. State policy of colonization Astrakhan-Kizlyar and Tsaritsyn-Stavropol tracts in the second half of the XVIII century // Questions of history. 2011. № 3. S. 153-158.
2. The full collection of laws of the Russian Empire (FCL RI). The meeting 1. T. XVI. SPb., 1830. S. 827.
3. FCL RI. The meeting 1. T.XVI. SPb., 1830. S. 828.
4. FCL RI. The meeting 1. T. XVI. SPb., 1830. S. 831.
5. FCL RI. The meeting 1. T. XVI. SPb., 1830. S. 827-832.
6. FCL RI. The meeting 1. T. XXII. SPb., 1830. S. 390.
7. FCL RI. The meeting 1. T. XXII. SPb., 1830. S. 392.
8. The national archives of the Republic of Kalmykia. F I-7. Op. 4. D. 24. L. 30
9. Russian state historical archive (RSHA). F. 383. Op. 10. D. 9366. L. 57 ob.
10. RSHA. F. 383. Op. 10. D. 9366. L. 27
11. FCL RI. The meeting 2. T. XXI. SPb., 1847. S. 725 - 726.
12. Settling expensive in the Kalmyk steppes // Journal of the Ministry of state property. 1856. P. 60. S. 35.
13. Settling expensive in the Kalmyk steppes // Journal of the Ministry of state property. 1856. P. 60. S. 34.

УДК 94

Государственная политика по формированию сети стационарных поселений на калмыцких землях Нижнего Поволжья и Степного Предкавказья (вторая половина XVIII–XIX вв.)

Сергей Степанович Белоусов

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук
Кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В статье рассматриваются государственная политика российского руководства по формированию сети стационарных поселений на калмыцких землях во второй половине XVIII–XIX вв. Исследуются её цели, характер и результаты. В завершении автор пришел к выводу, что переселенцы не оказали большого влияния на хозяйственный уклад жизни калмыцкого народа, его образ жизни и культуру, также незначительным оно было на них и со стороны калмыков. События в Калмыкии лишней раз подтвердили ту аксиому, что невозможно добиться изменения уклада жизни кочевников одним только поселением с ними оседлых земледельцев или же поощрительными, а тем более административными мерами.

Ключевые слова: переселенческая политика; стационарные поселения; калмыцкие земли; Нижнее Поволжье; Предкавказье; перевод кочевников на оседлый образ жизни.